

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-2-5

УДК 378.4

Оригинальная научная статья

Реализация стратегии интернационализации высшего образования как арсенала «мягкой силы» государства

Л. А. Оверчук

Новосибирский государственный технический университет

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: overchuk68@gmail.com

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются интерпретации концепта «мягкой силы», реализуемой в сфере высшего образования России. В связи с обсуждением в научных кругах амбивалентности понятия «мягкая сила» («soft power») с момента его появления и в последующий период приводятся различные трактовки противоположных и взаимодополняющих понятий со словом «власть» («power»). Рассматриваются компоненты и функции «мягкой силы», отображаемые в документах и концепциях внешней политики государства. *Постановка задачи.* В настоящее время, когда политические и экономические санкции изменили ландшафт международного образовательного сотрудничества, возможности инструментов «мягкой силы» нашего государства значительно сократились. *Методика и методология исследования.* Являясь инструментом продвижения культурных ценностей и идеалов, высшее образование аккумулирует возможности культурного, научно-технического, социально-политического и экономического воздействия на индивида и общество. *Результаты.* Коммуникационное пространство российских вузов сможет интегрировать новый рациональный дискурс через различные образовательные обмены и культурно-просветительские проекты с привлечением современных информационных технологий коммуникации. Материализация данной задачи требует стратегического развития интернационализации высшего образования. *Выводы.* Сотрудничество в различных областях науки и технологий остается важным инструментом повышения международной политической стабильности и уровня взаимопонимания. Примером успешного развития и продвижения национальных идей и интересов, то есть увеличения «веса» государства на международной арене через образование, является Германия. При этом выполняется главная функция «мягкой силы» – латентная реализация, то есть влияние государства не прямолинейно, а скрыто.

Ключевые слова: стратегия интернационализации высшего образования, «мягкая сила», коммуникационное пространство, социальная философия

Для цитирования: Оверчук Л. А. Реализация стратегии интернационализации высшего образования как арсенала «мягкой силы» государства // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13, №2. С. 237–245. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-2-5>

DOI: 10.20913/2618-7515-2023-2-5

Full Article

Implementation of the strategy of internationalization of higher education as a «soft power» tool of the state

Overchuk, L. A.

Novosibirsk State Technical University

Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: overchuk68@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The following article analyzes the interpretations of the concept of «soft power» implemented in the field of Russian higher education. In connection with the discussion in scientific circles of the ambivalence of the concept of «soft power» from the moment of its appearance and in the subsequent period, various interpretations of opposite and complementary concepts with the word «power» are given here. The components and functions of «soft power» reflected in the documents and concepts of the state's foreign policy are considered. *Purpose setting.* At present, when

political and economic sanctions have also changed the landscape of international educational cooperation, the possibilities of the «soft power» tools of our state have been significantly decreased. *Methodology and methods of the study.* As a tool for promoting cultural values and ideals, higher education accumulates opportunities for cultural, scientific, technical, socio-political and economic impact on the individual and society. *Results.* The communication space of Russian universities will be able to integrate a new rational discourse through delivering various educational exchange programmes and cultural, educational projects, with the involvement of modern information communication technologies. The implementation of this task requires the strategic development of the internationalization of higher education. *Conclusion.* Cooperation in various fields of science and technology remains an important tool for improving international political stability and mutual understanding. Germany is an example of successful development and promotion of national ideas and interests, i.e. increasing the «weight» of the state in the international arena through education. At the same time, the main function of «soft power» is performed in latent form, when the influence of the state is not straightforward, but hidden.

Keywords: internationalization strategy for higher education, «soft power», communication space, social philosophy

Citation: Overchuk, L. A. [Implementation of the strategy of internationalization of higher education as a «soft power» tool of the state]. *Professional education in the modern world*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 237–245. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-2-5>

Введение. Актуальность настоящего исследования подтверждается сложившейся ситуацией роста недоверия к российскому обществу со стороны многих стран Запада, что требует актуализации и пересмотра концепта «мягкой силы» государства. Начиная с середины 1990-х гг. концепция «мягкой силы» в отечественных внешнеполитических документах многократно изменялась. Необходимо отметить, что представления об этом концепте в мире нередко отличаются. Если на Западе «мягкая сила» считается пережитком во многих сферах жизни [1, с. 43], то в восточных странах ее традиционно считают влиятельным фактором внешнеполитического воздействия [2, с. 11]. Знаменитый древнекитайский мыслитель Лао-Цзы подчеркивал значимость гибкости и отсутствия жесткости в отношениях людей (используя образ воды, которая «точит» камень), а символ мужского («жесткого») и женского («мягкого») начал Инь-Ян является одним из важнейших в культуре стран Восточной Азии.

Также различны в западных и восточных странах подходы к роли высшего образования в создании и распространении научных достижений мирового уровня своими гражданами. Западным университетам отводится значительная роль как организациям, где создаются все академические и высокотехнические инновации, присваиваются ученые степени, они имеют полную автономию, при этом сохраняется поддержка государства. Научные сообщества также могут быть представлены в академических центрах, которые главным образом выполняют экспертную функцию. Во многих восточных странах, в том числе России, главные исследовательские и изобретательские функции в основном выполняются отдельными исследовательскими институтами в рамках Академии наук и других технологических ведомств. В последнее время российские

национально-исследовательские университеты расширили свои полномочия, в том числе по присвоению ученых степеней. Часто подобные различия затрудняют сотрудничество университетов в восточных и западных странах.

Постановка задачи. Несмотря на то что термин «мягкая сила» введен Дж. Наем лишь в 1990-е гг., о гибком и «мягком», ненасильственном влиянии стран известно с давних пор. Вопрос о выстраивании стратегий национального влияния различных стран на внешний мир вставал в разные эпохи, особенно на стадии построения колониальных империй. Постколониальное движение существенно обострило политическую и экономическую обстановку в странах третьего мира и тем самым запустило процессы национальных экспансий стран – бывших империй через программы лидерства в различных сферах, в том числе военных, экономических, политических, культурных и образовательных. Современная ситуация разрешения мирового политического кризиса требует более пристального внимания к ненасильственным способам воплощения и продвижения национальных интересов, культурных ценностей и предпочтений. В современной России понятие «мягкая сила» включено в Концепцию внешней политики 2013 г. [3], а затем и в Концепцию внешней политики 2016 г. [4]. Одной из возможных площадок, где создается «мягкая сила» государства, является российское образовательное пространство.

Методика и методология исследования. Существуют многочисленные трактовки «мягкой силы» (и синонимов «мягкая власть», «гибкая власть»), в большинстве из них суть понятий сводится к ненасильственным методам осуществления внешней политики государств, основанной на привлекательности тех или иных национальных ресурсов. При таком подходе к «мягкой

силе» можно отнести некоторые жесткие методы воздействия, такие как пропаганда или невоенные средства давления – политические и экономические санкции.

Раскрывая суть понятия и подходы к нему, М. М. Лебедева отмечает, что возможность применения данных средств придает отрицательную коннотацию самому понятию «мягкая сила» [5, с. 212]. Об этом говорил и Дж. Най, пытаясь разъяснить, что ключевым моментом в определении «мягкой силы» остается понятие «привлекательности для других, тех или иных положений, феноменов, образов действий и т.п.» [6, с. 68]. Возможность противоположной стороне сделать осознанный и добровольный выбор в пользу сотрудничества с другой страной является основным положением в его концепции [7]. Манипуляция сознанием в СМИ и пропаганда исключаются из этого понятия, а некоторые авторы (начиная с К. Волкер и Д. Людвиг, 2017) относят их к «острой силе» (sharp power) как варианту «жесткой силы» (hard power), особенно в условиях проведения информационной войны [8]. Автор нелиберального подхода к мягкой силе Дж. Найт вносит трактовку «взаимной силы» (mutual power) как результата сотрудничества сторон, который может распределяться между всеми участниками посредством «дипломатии негосударственных участников» через СМИ, университеты и неправительственные организации как акторов, вызывающих большее доверие [9].

Таким образом, мягкая сила – приоритет национальной, а не государственной политики, так как национальные, а не государственные ресурсы выступают источником мягкой силы. Между тем государственные ресурсы, преимущественно задействующие имеющуюся инфраструктуру, позволяют осуществить ее трансляцию. Иногда авторы инструментального подхода смешивают концепт «мягкой силы» с «публичной дипломатией», описывающей как правительство или общество страны взаимодействует с внешней аудиторией таким образом, чтобы улучшить восприятие этой нации иностранной общественностью [10].

Стратегия «выстраивания» наиболее благоприятного восприятия страны через СМИ или публичную сферу не совсем совпадает с эффектом воздействия «мягкой силы». Ведь только та информация о стране может достигать положительных эффектов и становиться элементом «мягкой силы», когда она воспринимается в контексте *собственных* успехов и развития внутренних ресурсов государства, будучи источником привлекательности для других [11]. Однако нетрудно заметить, что широко распространенная трактовка «мягкой силы» как внешнеполитического инструмента, а не как ресурса страны или источни-

ка позитивного воздействия, возникающего ввиду эффективных внутривнутриполитических действий страны, распространена во многих документах о внешнеполитических стратегиях стран, в том числе в названных Концепциях внешней политики РФ. Использование «мягкой силы» в рамках коммуникативно-технологической модели при определенных условиях приводит к инверсии, когда ее функциональность изменяется в сторону «мягкой власти» и даже превращается в свой антипод – «жесткую силу».

По мнению Дж. Найа, культурная и идеологическая привлекательность актора создается его соответствием идеалам и ценностям, а также способностью «формировать предпочтения и ценности других акторов» [12, с. 168]. Прослеживается связь данных понятий с миром идеального, а не только материального порядка. Гуманитарное пространство, где могут быть созданы подобные ценности через реализацию «мягкой силы», отмечается как поле и вектор усиления внешней политики России в «Стратегии национальной безопасности РФ (2015)» [13]. В действительности, мягкая сила реализуется в гуманитарном пространстве в основном через коммуникацию при условии существования «сетевых институтов», которые служат благоприятной дискуссионной площадкой [14, с. 28].

Коммуникативная рациональность формируется в ходе дискуссии, определяется этой дискуссией и принадлежит акторам, которые принимают участие в этой дискуссии. Согласно Ю. Хабермасу, коммуникативная рациональность создает основу для модернизации обществ. «Условиями для коммуникативного действия является наличие у акторов «общего жизненного мира» в форме общих компонентов культуры, общей системы институтов, норм и правил» [15, с. 278]. Исходя из этого видится правомерным, что «мягкая сила» подробно описывается в другом российском документе: в Стратегии культурной политики. Здесь в контексте развития инструментов «мягкой силы» предусматривается реализация следующих целей: расширение ареала изучения русского языка в мире, противодействие искажению российской истории, создание благоприятной институциональной среды для работы центров русской культуры за рубежом, продвижение международного имиджа России, расширение сотрудничества профессиональных сообществ, популяризация туристской привлекательности России и создание инфраструктурных условий для въездного туризма, использование возможностей интернет-сайтов и социальных сетей для презентации российской культуры, искусства и творчества народов России [16]. Поставленные цели для реализации «мягкой силы» не должны, однако, сужаться до инстру-

ментальной схемы: «распространение языка, создание центров русской культуры, консолидация русской диаспоры и поддержка соотечественников за рубежом», или расширяться до широкого контекста понимания «мягкой силы» как разнообразного инструмента несилового решения внешнеполитических задач. Еще раз отметим, что «мягкая сила» страны не сводима к продвижению и навязыванию ценностей и норм и тем более воздействию на массовое сознание [17, с. 136].

Анализ российских внешнеполитических документов и доктрин свидетельствует, что привлечение ресурсов высшего образования для развития международной профессиональной коммуникации как важного участника в формировании социально-профессиональной структуры общества не используется в полной мере, хотя возможно расширение контекста их применения, в том числе во внешней политике. Одна из известных возможностей – это привлечение молодежи через международное сотрудничество научно-образовательных организаций, то есть необходима национальная стратегия интернационализации образования, которая, естественно, не может ограничиваться задачами Болонского процесса. Важной методологической проблемой по-прежнему остается разграничение понятия «интернационализация образования» по функциям. Это связано с его многоаспектностью, породившей такие смежные понятия, как «международное образование», «мультикультурное образование», «экспорт образовательных услуг», «интеграция образовательных систем» и «международные образовательные услуги» [18].

В отечественной науке проблемы использования культурного и образовательного потенциала как внешнеполитического инструмента задач «мягкой силы» анализировались в научных трудах Н.Л. Антоновой, А.Д. Сущенко, Н.Г. Поповой [19]. В зарубежной литературе проблемы использования «мягкой силы» в международных отношениях освещались в публикациях Дж. Ная, С.С. Грея [20], С.Р. Манна [21], С.П. Шнейдера [22] и других зарубежных авторов. Несмотря на фундаментальный характер ряда приведенных исследований, в них, как правило, не уделяется должного внимания вопросам организации академического и научного взаимодействия государств в рамках высшего образования. Существуют перспективы использования возможностей высшего образования в целеполагании молодежи разных стран для решения общемировых задач с использованием существующего культурно-образовательного потенциала, составляющего наиболее надежную основу для применения ресурса «мягкой силы» во внешнеполитических отношениях.

Результаты. России еще предстоит восстановить утерянные международные связи в пост-

советских странах после потрясений 1990-х гг. и в странах Запада по завершению современных международных конфликтов. Для формирования реального образа России у мировой аудитории, отличного от навязываемого представления о стране на волне антироссийских настроений, преимущественно в группе евроатлантических государств, нации предстоит сделать многое, в том числе расширить «мягкое воздействие» на мировое общественное мнение и в полной мере воспользоваться ресурсом развития государства, накопленного в сфере науки и образования. Многие страны, получающие мировое признание по темпам роста, такие как Китай и Индия, стремятся продемонстрировать мировой аудитории реальные достижения, используя образование как традиционный канал для достижения поставленных целей. Уникальность ресурса высшего образования заключается в его способности комплексно воздействовать на индивида и общество посредством трансляции разнообразных знаний культурного, научно-технического, социально-политического и экономического характера. Развитие компетенций в разных областях науки укрепляет возможность легитимного применения стратегии «умной силы» (smart power), эффективно использующей возможности мягкого (информационного) и жесткого (технико-экономического) влияния.

Постепенное расширение моделей высшего образования в мире и распространение концепции новой роли университетов в обществе – «третьей миссии» – изменили восприятие вузов как центров научно-технического и социально-культурного развития регионов и стран. Образование стало рассматриваться не только как процесс трансляции знаний, но и как серьезный инструмент развития экономики, а также элемент «культурной дипломатии», встраиваемый в систему других политических инструментов «мягкой силы». К настоящему времени сформированы разнообразные институциональные структуры, требующие согласованной работы акторов государственного уровня и участников негосударственной сферы в реализации стратегии интернационализации высшего образования. Помимо институционализации процессов интернационализации усилия направлены на создание благоприятной и позитивной среды для социальной адаптации зарубежных студентов. Именно в молодежной студенческой среде возможно формирование положительного представления о стране, которое в перспективе станет значимым при формировании международной политики, если участники образовательного процесса примут в ней участие через 10–15 лет. Ключевым вопросом при постановке целей реализации данной стратегии является вопрос «Зачем?», а не «Как?»

Процесс формирования человеческой аттракции хорошо изучен в различных дисциплинах социально-гуманитарного цикла. Концепция социального и культурного восприятия относится к тому, что люди думают о стране как с культурной, так и с социальной точки зрения [23, с. 3]. Возникает следующий ассоциативный ряд чувств позитивного восприятия: доверие, репутация, сотрудничество, доброжелательность, симпатия, благодарность, поддержка, вдохновение. Каналы и содержание формирования подобных чувств различаются в зависимости от возрастных, социальных и культурологических рамок целевой аудитории. Ответ на вопрос «Зачем нужна ориентация на молодое поколение?» очевиден. Оно способно решать политические и экономические задачи в ближайшем будущем, поэтому для взаимодействия с молодежью требуется привлечение современных средств коммуникации и аудиовизуальных способов подачи информации.

«Мягкая сила» публичной дипломатии в виде социальных сетей культурных и образовательных организаций воздействует на умы и настроения потенциальных зарубежных студентов. Как показывают исследования, пользователям социальных сетей интересны сообщения «неполитического» характера, о жизни, истории, обычаях, культуре и научных достижениях в российском обществе [24, с. 233]. Считается, что содержанием активной коммуникации молодежных групп очень часто является массовая культура и проблемы профессионального становления. Однако экспорт образовательных услуг и программы обмена специалистами являются для России более сильным средством в реализации «мягкой силы» для привлечения молодежи, чем развитие конкурентного фастфуда, массовой культуры и кинематографа [25]. Использование ресурсов высшего образования для реализации «мягкой силы» имеет отсроченные, но, как показывает практика, эффективные возможности и перспективы.

Для России, так же как и для других ведущих стран, укрепление позиций высшего образования за рубежом является краеугольным камнем в деле продвижения российских ценностей и взглядов на мир [26]. Образовательные обмены и культурно-просветительские проекты с привлечением иностранных и зарубежных студентов в России активно поддерживаются институционально такими организациями, как Россотрудничество, а также фондами Горчакова, Прохорова и «Русский мир» [27, с. 156]. Здесь все же необходимо отметить, что количество обучаемых иностранных студентов, отражаемых в цифровых показателях и рейтингах, не всегда коррелирует со степенью привлекательности той или иной страны [11]. На развитие системы высшего образования оказывают влияние

множество факторов, в том числе ситуация международного положения (военного и политического), уровень международной и региональной кооперации, помощи и давления, факторы развития национальной экономики, политики и культуры, степень централизации государственного управления и развития гражданского общества [28].

Расширяется значение интернационализации высшего образования как среды для развития способности вузов интегрироваться и конкурировать в глобальном образовательном пространстве, поэтому прогнозируемые результаты воздействия «мягкой силы» включаются в стратегические программы развития университетов и различные направления интернационализации. Привлекательность образования в некоторых странах за рубежом позволяет использовать его как ресурс в создании «мягкой силы», чтобы «убедить людей в привлекательности политических предложений» [29, с. 163]. Стратегия интернационализации способна укрепить роль самого института высшего образования вследствие того, что развитие международного сотрудничества с вузами-партнерами позволяет организовывать совместные исследовательские проекты, программы студенческого и академического обмена. Как следствие, не только повышается узнаваемость и международная признательность вузов, но и возрастает качество образования и научных исследований в процессе обмена знаниями, развивается международный рынок технологий и кадров. В свою очередь, привлечение в страну будущих высококвалифицированных специалистов является важным направлением реализации «умной силы» в целях повышения экономического уровня развития и технологического обмена, несмотря на тот факт, что концепция обмена знаниями (brain exchange) в условиях глобализации может приводить иногда и к неоднозначным побочным результатам, когда вслед за притоком умов (brain gain) может последовать утечка умов (brain drain).

Тем не менее в большинстве случаев результатом профессиональных обменов становится повышение уровня межкультурной эмпатии на пути к национально-культурной самоидентификации: от взаимной культурной толерантности до взаимной культурной адаптации и взаимного культурного ассоциирования (единения). То есть важным становится не то, *что* используется в виде ресурса, а *как* используется. Каждый ресурс может выступать мягкой и жесткой силой в зависимости от ситуации, следует говорить об эффектах, которые при этом производятся. Навязывание образовательных стандартов и культурных образцов приводит к негативным реакциям [5, с. 215], в России и других странах известны упреки относительно того, как, например, организован Болонский процесс.

К успешным образцам применения «мягкой силы» А. Вьюинг относит создание образцов для копирования в «доброжелательности, успешности и разделении норм и целей» [30]. Сотрудничество в различных областях науки и технологий повышает в том числе политическую стабильность и уровень взаимопонимания в решении разного рода кризисов и конфликтов.

В настоящее время большое значение приобретают исследования, направленные на анализ использования высшего образования для реализации «мягкой силы» в странах, достигших наилучшего признания в мировых рейтингах как в области обучения зарубежных студентов, так и по эффективности влияния на мировой арене. Такими странами на западе являются Великобритания, США, Германия и Франция. Ввиду развития долгосрочных программ международного сотрудничества в сфере науки и образования между Россией и Германией, интересным нам представляется оценить эффективность научно-образовательной политики Германии в сфере высшего образования на основе анализа методов, способов, институтов и других особенностей использования Германией высшего образования для реализации «мягкой силы».

Ключевыми факторами, позволяющими Германии занимать 4 место в глобальном рейтинге МС (Softpower 30), являются, прежде всего, успешная научно-образовательная политика: стратегия интернационализации, широко поддерживаемая государством, частными фондами и НПО; созданная сеть международных и государственных образовательных программ для иностранных студентов, в том числе на бесплатной основе; ежегодное увеличение программ обучения на английском языке.

Ключевой пятеркой лидеров в продвижении стратегии интернационализации Германии называют Федеральное министерство образования и науки, Фонд научных исследований, Союз ректоров, служба академических обменов (DAAD) и Фонд им. А. Гумбольдта [31, с. 25]. Их основ-

ные задачи связаны с организацией научных исследований и академической мобильности в вузах Германии, в том числе установлением контактов между высшими учебными заведениями и научными центрами. Тем самым эффективное коммуникационное пространство университетов и научных организаций служит цели расширения дипломатических отношений через научное партнерство и программы академического обмена, укрепления имиджа Германии как ведущего образовательного и научного центра [32].

Выводы. В заключение отметим важность реализации стратегии интернационализации высшего образования как арсенала «мягкой силы» для решения внутренних и внешних задач в развитии государств. Способность национальных университетов привлекать все большее число зарубежных студентов относится к ключевым международным показателям их деятельности. Однако объем поддержки в системе образования в виде российских негосударственных фондов и диверсификации источников финансирования признается экспертами незначительным для существенных перемен [33, с. 214, 226].

Анализ реализации «мягкой силы» Германии в области высшего образования, в частности развитие научных партнерств и академической мобильности, позволяет сделать вывод о том, что Германия обладает достаточным ценностным потенциалом для дальнейшего наращивания своего «образовательного и культурного присутствия», в том числе в России, что обуславливает необходимость усиления научно-образовательной стратегии РФ с целью выстраивания гармоничного взаимодействия двух стран. Требуются реформация и конструктивное продвижение «мягкой силы» в отечественном политологическом дискурсе и ее концептуальное развитие. Несмотря на выявленную амбивалентность понятия, «мягкая сила» выступает эффективным инструментом продвижения национальных интересов государства, особенно в сфере науки, культуры и образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дневник Алтайской школы политических исследований № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития. (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях): сб. науч. ст. / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. 235 с.
2. Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционный ресурс // Геополитический журнал. 2016. №3. С. 9–17.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 12 февр. 2013 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 08.05.2023).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации: (утв. Указом Президента Рос. Федерации от 30 нояб. 2016 г.) // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 08.05.2023).
5. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3. С. 212–223.

6. Nye J. S. The paradox of American power: why the world's only superpower can't go it alone. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. 240 p.
7. Nye J. S. Propaganda isn't the way // *New York Times*. 2003. Jan. 10. URL: <http://www.nytimes.com/2003/01/10/opinion/soft-power-propaganda-isnt-the-way.html> (accessed 08.05.2023).
8. Walker C., Ludwig J. The meaning of sharp power – how authoritarian states project influence // *Foreign Affairs*. 2017. Nov. 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (accessed 08.05.2023).
9. Knight J. The limits of soft power in higher education // *University World News*. 2014. Jan. 31. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725> (accessed 08.05.2023).
10. Cross M. K. D. Conceptualizing European public diplomacy // *European public diplomacy*. Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–11. DOI: 10.1057/9781137315144_1.
11. Борисов А. В. «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки // *Мировая политика*. 2020. №1. С. 1–11.
12. Nye J. S. Soft power // *Foreign Policy*. 1990. № 80. P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // *Гарант.Ру: информ.-правовой портал*. URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (дата обращения: 08.05.2023).
14. Risse T. «Let's argue!»: communicative action in world politics // *International Organization*. 2000. Vol. 54, no. 1. P. 1–39. DOI: 10.1162/002081800551109.
15. Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 1. Reason and the rationalization of society. Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.
16. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации 29 февр. 2016 г. // *Правительство России*. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 08.05.2023).
17. Борисов А. В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Vol. 7, №2. С. 130–141. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141>.
18. Пирогов А. И., Растимешина Т. В. Интернационализация образования в контексте формирования единого общеевропейского образовательного пространства // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2015. №1. С. 76–84.
19. Антонова Н. Л., Сущенко А. Д., Попова Н. Г. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, №1. С. 31–58.
20. Gray C. S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century. Strategic Studies Inst., US Army War College, 2011. 73 p. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11431> (accessed 07.07.2023).
21. Mann S. R. The reaction to chaos // *Complexity, global politics, and national security*. Washington, Nat. Defense Univ., 1997. P. 62–68.
22. Schneider C. P. Cultural diplomacy: hard to define, but you'd know it if you saw it // *Brown Journal of World Affairs*. 2006. Vol. 13, №1. P. 191–203.
23. Perilli A. Erasmus student or EU ambassador? People-to-people contact in the European Neighbourhood policy: the cases of Georgia, Ukraine and Tunisia. Bruges: College of Europe, 2017. 44 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.10482.81606.
24. Колесникова Н. Л. Российская цифровая дипломатия – элемент мягкой силы // *Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире*. Budapest; Киров, 2019. С. 234–243.
25. Акафи А. Х. Актуальные методы «мягкой силы» в международной молодежной политике // *PolitBook*. 2018. №2. С. 182–194.
26. *Россотрудничество: сайт*. URL: <https://rs.gov.ru/> (дата обращения: 08.05.2023).
27. Бохан А. С. Гуманитарная политика России на современном этапе // *Проблемы постсоветского пространства*. 2021. Т. 8, №1. С. 152–162.
28. Torres C. A. The capitalist state and public policy formation. Framework for a political sociology of educational policy making // *British Journal of Sociology of Education*. 1989. Vol. 10, no. 1. P. 81–102.
29. *European Neighbourhood policy: geopolitics between integration and security* / eds.: B. Bruno [et al.]. London: Palgrave Macmillan, 2016. 262 p.
30. Vuving A. L. How soft power works: paper presented at the panel «Soft power and smart power,» Amer. Polit. Science Assoc.: annu. meet., Toronto, Sept. 3, 2009. URL: <https://apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf> (accessed 08.05.2023).
31. Streitwieser B., Olson J., Burkhart S., Klabunde N. Coordinated German internationalization: broadening perspectives // *International Higher Education*. 2015. No. 83. С. 24–26. DOI: 10.6017/ihe.2015.83.9087.
32. Большова Н. Н. Государственная политика в области высшего образования и науки как инструмент «мягкой силы» (опыт Германии) // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. №2. С. 71–80.
33. Шпаковская Л. Политика высшего образования в Европе и России. Санкт-Петербург: Норма, 2007. 328 с.

REFERENCES

1. Chernyshov Yu. G. (ed.). *Diary of the Altai School of Political Studies No. 33. Modern Russia and the world: alternatives of the development. (The country's image as a factor of «soft power» in international relations): coll. of sci. articles.* Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2017, 235 p. (In Russ.).
2. Ponomareva E. G. «Soft power» of Russia as an integration resource. *Geopoliticheskii zhurnal*, 2016, no. 3, pp. 9–17. (In Russ.).
3. The concept of the foreign policy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russ. Federation of Febr. 12, 2013. *Konsul»tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (accessed 08.05.2023). (In Russ.).
4. The concept of the foreign policy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russ. Federation of Nov. 30, 2016. *Prezident Rossii: sait*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (accessed 08.05.2023). (In Russ.).
5. Lebedeva M. M. «Soft power»: concept and approaches. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 3, pp. 212–223. (In Russ.).
6. Nye J. S. *The paradox of American power: Why the world's only superpower can't go it alone*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2002, 240 p.
7. Nye J. S. Propaganda isn't the way. *New York Times*, 2003, Jan. 10. URL: <http://www.nytimes.com/2003/01/10/opinion/soft-power-propaganda-isnt-the-way.html> (accessed 08.05.2023).
8. Walker C., Ludwig J. The meaning of sharp power – how authoritarian states project influence. *Foreign Affairs*, 2017, Nov. 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (accessed 08.05.2023).
9. Knight J. The limits of soft power in higher education. *University World News*, 2014, Jan. 31. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20140129134636725> (accessed 08.05.2023).
10. Cross M. K. D. Conceptualizing European public diplomacy. *European public diplomacy*. Palgrave Macmillan, 2013, pp 1–11. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137315144_1.
11. Borisov A. V. «Soft power» of Russia: specifics of understanding and evaluation. *Mirovaja politika*, 2020, no. 1, pp. 1–11. (In Russ.).
12. Nye J. S. Soft power. *Foreign Policy*, 1990, no. 80, pp.153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>.
13. The National Security Strategy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russ. Federation of Dec. 31, 2015 No. 683. *Garant.Ru: inform.-pravovoi portal*. URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (accessed 08.05.2023). (In Russ.).
14. Risse T. «Let's argue!»: communicative action in world politics. *International Organization*, 2000, vol. 54, no. 1, pp.1–39. DOI: 10.1162/002081800551109.
15. Habermas J. *The theory of communicative action*. Vol. 1. Reason and the rationalization of society. Boston, Beacon Press, 1984, 465 p.
16. Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030: approved by Order of the Government of Russ. Federation of Febr. 29, 2016. *Pravitel»stvo Rossii*. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVA-JnoBuKgH0qEJA9IXP7f2xm.pdf> (accessed 08.05.23). (In Russ.).
17. Borisov A. V. «Soft power»: the specifics of domestic understanding. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 2020, vol. 7, no. 2, pp.130–141. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141>. (In Russ.).
18. Pirogov A. I., Rastimeshina T. V. Internationalization of education in the context of the formation of a single pan-European educational space. *Ekonomicheskie i sotsial»no-gumanitarnye issledovaniya*, 2015, no. 1, pp.76–84. (In Russ.).
19. Antonova N. L., Sushchenko A. D., Popova N. G. «Soft power» of higher education as a factor of world leadership. *Obrazovanie i nauka*, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 31–58. (In Russ.).
20. Gray C. S. Hard power and soft power: the utility of military force as an instrument of policy in the 21st century. Strategic Studies Inst., US Army War College, 2011, 73 p. *JSTOR*. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep11431> (accessed 07.07.2023).
21. Mann S. R. The reaction to chaos. *Complexity, global politics, and national security*. Washington, Nat. Defense Univ., 1997, pp. 62–68.
22. Schneider C. P. Cultural diplomacy: hard to define, but you'd know it if you saw it. *Brown Journal of World Affairs*, 2006, vol. 13, iss. 1, pp. 191–203.
23. Perilli A. *Erasmus student or EU ambassador? People-to-people contact in the European Neighbourhood policy: the cases of Georgia, Ukraine and Tunisia*. Bruges, College of Europe, 2017, 44 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.10482.81606.
24. Kolesnikova N. L. Russian digital diplomacy – an element of soft power. *Politika i kul»tura: problemy vzaimodeistviya v sovremennom mire*. Budapest, Kirov, 2019, pp. 234–243. (In Russ.).
25. Akafi A. Kh. Actual methods of «soft power» in international youth policy. *PolitBook*, 2018, no.2, pp. 182–194. (In Russ.).

26. *Rosstrudnichestvo Agency: website*. URL: <https://rs.gov.ru/> (accessed: 08.05.2023). (In Russ.).
27. Bokhan A. S. Humanitarian policy of Russia at the present stage. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 2021, vol. 8, no. 1, pp.152–162. (In Russ.).
28. Torres C.A. The capitalist state and public policy formation. Framework for a political sociology of educational policy making. *British Journal of Sociology of Education*, 1989, vol. 10, no. 1, pp.81–102.
29. Bruno B. [et al.] (eds). *European Neighbourhood policy: geopolitics between integration and security*. London, Palgrave Macmillan, 2016, p. 262.
30. Vuving A.L. *How soft power works: paper presented at the panel «Soft power and smart power,» Amer. Polit. Science Assoc.: annu. meet. Toronto, Sept. 3, 2009*. URL: <https://apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf> (accessed 08.05.2023).
31. Streitwieser B., Olson J., Burkhart S., Klabunde N. Coordinated German internationalization: broadening perspectives. *International Higher Education*, 2015, no. 83, pp. 24–26. DOI: 10.6017/ihe.2015.83.9087.
32. Bolshova N.N. State policy in the field of higher education and science as an instrument of «soft power» (German experience). *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2014, no. 2, pp.71–80. (In Russ.).
33. Shpakovskaya L. *Higher education policy in Europe and Russia*. Saint Petersburg, Norma, 2007, 328 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Оверчук Людмила Анатольевна – ст. преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20, e-mail: overchuk68@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 11.11.2022

После доработки 26.06.2023

Принята к публикации 30.06.2023

Information about the author

Lyudmila A. Overchuk – Senior Lecturer of the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (20 K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation, e-mail: overchuk68@gmail.com).

The paper was submitted 11.11.2022

Received after reworking 26.06.2023

Accepted for publication 30.06.2023